

СОЦИАЛЬНАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ

Стратификация по нефинансовому богатству российских домохозяйств: высота, профиль, детерминанты

Т.Ю. БОГОМОЛОВА*, Т.Ю. ЧЕРКАШИНА**

***Татьяна Юрьевна Богомолова** – кандидат социологических наук, заведующий, Отдел социальных проблем, Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН; декан, экономический факультет, Новосибирский национальный исследовательский государственный университет. Адрес: 630090, Новосибирск, проспект Академика Лаврентьева, д. 17. E-mail: bogtan@rambler.ru

****Татьяна Юрьевна Черкашина** – кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН; заведующий, кафедра общей социологии, Новосибирский национальный исследовательский государственный университет. Адрес: 630090, Новосибирск, проспект Академика Лаврентьева, д. 17. E-mail: touch@nsu.ru

Цитирование: Богомолова Т.Ю., Черкашина Т.Ю. (2020) Стратификация по нефинансовому богатству российских домохозяйств: высота, профиль, детерминанты // Мир России. Т. 29. № 4. С. 6–33. DOI: 10.17323/1811-038X-2020-29-4-6-33

Богатство (wealth) наряду с доходами и расходами является измерением экономического статуса индивида или домохозяйства. Понимание социальной стратификации, ее особенностей и тенденций, механизмов накопления и межпоколенной передачи собственности без изучения неравенства по богатству будет неполным. Если в экономически развитых странах данные позволяют изучать масштабы неравенства по богатству на основе денежных (количественных) оценок, то открытые данные об активах российских домохозяйств делают возможной лишь структурную оценку стратификации по богатству. Из составляющих богатства – финансовых и нефинансовых активов – объектом исследования являются находящиеся в собственности членов домохозяйства материальные (нефинансовые) активы. В статье на данных Комплексного наблюдения условий жизни населения представлены дифференциация российских домохозяйств по обладанию нефинансовыми активами; выделены слои, образующие стратификацию домохозяйств по нефинансовому богатству; выявлены социально-демографические детерминанты, определяющие шансы домохозяйств оказаться в слоях, относительно обеспеченных нефинансовым богатством. Ограничением данных можно считать неполную представленность верха и низа стратификации, что характерно для массовых обследований. С использованием процедур факторного и кластерного анализа выделены семь слоев, отличающихся

по наличию, количеству и составу нефинансовых активов. Установлено, что профиль имущественной иерархии российских домохозяйств смещен в сторону низкой обеспеченности нефинансовыми активами: самый большой по численности (47%) – малообеспеченный слой, портфель активов которого включает только жилье, в трети случаев дополненное автомобилем; портфель следующего слоя (19%) с выраженным сельским профилем включает, помимо жилья, земельный участок и в трети случаев автомобиль. Вместе с домохозяйствами без нефинансовых активов эти слои составляют 70% совокупности. Четыре верхних имущественных слоя имеют три и более нефинансовых актива, они отличаются комбинацией активов в портфеле. Влияния социально-демографических и экономических детерминант на шансы оказаться в верхних слоях стратификации по нефинансовому богатству проявляются по тем же образцам, которые установлены зарубежными исследованиями богатства на основе стоимостных показателей: они выше для домохозяйств с устойчивым брачным ядром, при относительно высоком текущем доходе, в старшем возрасте (50–70 лет) при более низких шансах для молодых и самых пожилых. В целом более значимыми детерминантами оказываются, скорее, условия сохранения накопленной собственности, чем условия ее формирования.

Ключевые слова: богатство домохозяйства, нефинансовое богатство, нефинансовые активы, экономическая стратификация, собственность, портфель активов домохозяйства

Введение

В обыденной жизни слово «богатство» устойчиво ассоциируется с людьми, обладающими значительными материальными средствами, будь то экономическая элита страны, известная в т. ч. по спискам журнала *Forbes*, или преуспевающие деятели шоу-бизнеса, спорта высоких достижений, или влиятельные чиновники, попавшие в зону интереса правоохранительных органов или разного толка «Робин Гудов». Известно, что богатство – это высококонцентрированный экономический ресурс: широко распространенным и устойчивым во времени образцом является сосредоточение более половины богатства у 10% наиболее обеспеченных семей или взрослых индивидов как в отдельной стране, группе стран, так и в масштабах планеты [In It Together 2015, p. 16; Бауман 2015, с. 9]. И эта десятая часть населения, оперируя своими экономическими активами, может существенным образом влиять на экономику не только своей страны, но и мира в целом. Хотя изучение элиты и богатства, которое находятся в ее руках, имеет неоспоримое значение для понимания протекающих в обществе процессов, обществоведы все же рассматривают богатство не только в этом ракурсе. Важным является анализ богатства обычных семей. Несмотря на то, что на каждую такую семью приходится от совокупного богатства страны несопоставимо меньше, чем на семью из верхних экономических слоев, вместе они составляют серьезную экономическую силу, могущественного совокупного потребителя, способного «уважать себя заставить» экономические институты в обществе.

Изучение богатства домохозяйств и индивидов является одной из составляющих в исследованиях социальной стратификации. Начиная с классиков социальной стратификации Макса Вебера и Питирима Сорокина и заканчивая эмпирическими

исследованиями наших дней богатство, наряду с доходами и расходами, выступает прямым измерителем экономического статуса индивида или домохозяйства, а в сочетании с характеристиками уровня образования, вида или престижа занятия используется для определения социально-экономического положения (обобщенного социального статуса) индивида. Есть точка зрения, которую мы разделяем, что без изучения образцов неравенства по богатству, сосредоточившись лишь на традиционных социально-экономических индикаторах (доходе, образовании и профессии), «не добиться полного понимания социальной стратификации в обществе, исторической подпитки ее характерных особенностей и возможных будущих тенденций, включая механизмы того, как богатство накапливается и передается от поколения к поколению» [Campbella, Kaufman 2006, p. 131]. Современный тренд в социологических исследованиях богатства заключается в том, чтобы рассматривать богатство «не просто как аспект “закрытия” экономических элит, а как явление, охватывающее все население» [Killewald, Pfeffer, Schachner 2017, p. 380].

Между тем информационных ресурсов, содержащих денежные оценки богатства домохозяйств, значительно меньше тех, которые содержат данные о доходах и расходах населения, а значит, меньше и исследований богатства, публикаций с их результатами. Отчасти это объясняется тем, что собирать такие данные о богатстве в рамках обследований населения значительно труднее, чем информацию о прочих социально-экономических характеристиках. Дело даже не в том, что требуется значительно больше временных и финансовых затрат. Для получения качественных данных о богатстве специальная подготовка и высокая квалификация интервьюеров должна сочетаться с компетентностью собственников в отношении оценки своих активов, готовностью идти на сотрудничество и сообщать о невидимых постороннему глазу основах своего благосостояния. Относительная немногочисленность баз данных, содержащих сведения о богатстве населения, сложность получения качественных данных о богатстве, проблемы с доступом к информации о богатстве – все это породило представление, что в качестве объекта исследования «неравенством по богатству в значительной степени пренебрегали, вплоть до недавнего времени» [In It Together 2015, p. 34]. Тем не менее к концу второго десятилетия XXI в. уже можно утверждать, что богатство домохозяйств – это вполне познаваемый феномен не только в таких странах-лидерах его аккумуляции, как США и Великобритании, но и в мировом масштабе. По крайней мере, есть информационная основа для обобщений, представленных в ряде работ: в опубликованном в 2015 г. докладе «В этом вместе: почему от меньшего неравенства выигрывают все»¹ Департамента социальной политики Организации экономического сотрудничества (ОЭСР); в выходящем регулярно с 2010 г. Докладе Швейцарского банка о мировом богатстве² [Davies, Lluberas, Shorrocks 2019].

Как правило, в социально-экономических исследованиях оперируют понятиями «чистое богатство» или «чистая стоимость богатства», определяемой как рыночная стоимость финансовых активов плюс нефинансовые активы за вычетом долгов [Wolff 1990; Jianakopulos, Menchik 1997; Keister, Moller 2000; Paiella 2007; Nau, Tumin 2012 и др.]. Стоимостная (денежная) оценка экономических активов

¹ “In It Together: Why Less Inequality Benefits All”.

² “Credit Suisse Global Wealth Report”.

лежит в основе изучения неравенства по богатству. В зависимости от характера активов в собственности принято выделять финансовое и нефинансовое (реальное, материальное, физическое) богатство. К финансовому богатству относятся транзакционные счета, депозитные сертификаты, сберегательные облигации, акции, средства в трастовых фондах, пенсионные счета, полисы страхования жизни и прочие финансовые активы. Нефинансовое богатство – основное жилье, другая жилая недвижимость, транспортные средства, нежилая недвижимость, включая землю, капитал, вложенный в бизнес, прочие нефинансовые активы (материальные объекты, включающие значительные по стоимости произведения искусства, ювелирные изделия, драгоценные металлы, антиквариат, оснащение для хобби и предметы коллекционирования). В качестве единицы анализа выступают как домохозяйства, так и индивиды, являющиеся владельцами активов. Набор активов, составляющих богатство экономического субъекта, называют портфелем (*portfolio*).

В своих исследованиях мы, обращаясь к открытым данным социолого-статистических обследований, которые не содержат денежной оценки элементов богатства домохозяйств, стремимся показать, как распределены нефинансовые экономические активы среди населения, не принадлежащего к верхним группам распределения по богатству, описать характеристики расслоения российских домохозяйств по нефинансовому богатству [Богомолова, Черкашина 2015; Богомолова, Черкашина (1) 2018; Богомолова, Черкашина (2) 2018].

Зная невысокую склонность россиян к сбережениям и объективно ограниченные возможности для сбережений из-за низких доходов значительной массы населения, незначительно распространенную среди населения (по разным причинам) практику инвестирования в ценные бумаги и облигации, мы имеем все основания полагать, что нефинансовые активы являются доминантой в богатстве российских домохозяйств. Тем более что даже в богатстве населения стран, входящих в Организацию экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), доля нефинансовых активов в совокупном богатстве домохозяйств составляет 74,1% [In It Together 2015, p. 264].

В данной статье на материалах Комплексного наблюдения условий жизни населения (КОУЖ, Росстат) представлены характеристики дифференциации российских домохозяйств по владению нефинансовыми активами, стратификация домохозяйств по нефинансовому богатству, оценки влияния социально-демографических характеристик домохозяйств на шанс оказаться в относительно обеспеченных имущественных группах.

Обзор литературы

В уже упомянутом докладе за 2015 г. Департамента социальной политики ОЭСР «В этом вместе: почему от меньшего неравенства выигрывают все» отражены результаты разностороннего изучения экономического неравенства, опирающиеся на самые последние из доступных мировых данных, в т. ч. по богатству. Приведем краткое изложение выводов доклада, касающихся нефинансового богатства:

– реальные активы, главным образом семейная резиденция, являются основным элементом богатства как для состоятельных людей, так и для людей с низким уровнем богатства (75% от величины суммарных активов); и только среди тех, кто находится

на вершине шкалы по богатству, финансовые активы (такие как ценные бумаги) представляют собой значительный источник богатства [In It Together 2015, p. 35];

– основное жилье – это самый важный актив в собственности домашних хозяйств, но различия между странами в стоимости основного жилья как доли в совокупных активах широки: начиная от примерно 30% в США до примерно 70% в Словацкой Республике;

– хотя основное жилье является главным нефинансовым активом, другая жилая недвижимость также значима: на него приходится в среднем 17% от общего объема активов; другие виды реальных активов, отличные от жилой недвижимости, не столь значимы и составляют 6–7% совокупных активов; хотя большинство семей (около 75%) являются владельцами транспортных средств, они составляют лишь около 3,5% от совокупного богатства (чуть больше в Финляндии и Словакии) [In It Together 2015, p. 263];

– уровень богатства, как правило, выше у домохозяйств, главы которых лучше образованны и находятся в возрасте от 55 до 64 лет [In It Together 2015, p. 241].

Чтобы проиллюстрировать часть этих выводов, полученных как при использовании данных из системы национальных счетов, так и материалов социально-экономических опросов населения, обратимся к систематическим исследованиям богатства в США и Австралии, базирующимся на опросах населения, которые содержат информацию об экономических активах в структуре, соответствующей фокусу нашей работы.

Анализ распространенности разных видов активов, структуры совокупной стоимости активов домохозяйств регулярно осуществляет аналитический отдел Федеральной резервной системы США, используя данные Обследования финансов потребителей (ОПФ)³. Хотя ОПФ – одно из обследований, содержащих сведения о богатстве домохозяйств в США, оно позиционируется как представляющее наиболее полную картину этого объекта исследования.

Обзор данных за более чем десятилетний период показывает, что среди домохозяйств США 94–95% владеют каким-либо финансовым активом и 91–92% имеют в собственности как минимум один нефинансовый актив, и практически все домохозяйства (98%) чем-то владеют (*таблица 1*). Наиболее широко распространенным среди домохозяйств США активом являются автомобили (86–87%), на втором месте – основная жилая резиденция семьи (65–70%). Другая жилая собственность имеется во владении у 15% домохозяйств, приблизительно на том же уровне (11–13%) в портфеле американцев представлен капитал, вложенный в (некорпоративный, семейный) бизнес. Процент владельцев нежильной собственности не превышает 10%. Доля американских домохозяйств, владеющих тем или иным активом, практически неизменна в рассматриваемый период, а вот стоимость этих активов существенным образом варьируется в зависимости от экономической конъюнктуры, под влиянием инфляции, не говоря уже об амортизации и моральном устаревании в части материальных активов.

³ ОПФ (*Survey of Consumer Finances*) началось с 1989 г., финансируется и курируется Советом директоров Федеральной резервной системы. С 1992 г. осуществляет сбор и обработку данных исследовательский центр NORC (National Opinion Research Center) при Чикагском университете. Обследование проводится один раз в три года, охватывает население в возрасте 18 лет и старше, имеет объем репрезентирующей население США выборки свыше 6000 респондентов.

Таблица 1. Характеристики нефинансовых активов семей США, данные ОПФ

Год	Транспортные средства	Основное жилье	Другая жилая собственность	Капитал в нежилкой собственности	Капитал, вложенный в бизнес	Прочее	Что-либо из нефинансовых активов	Что-либо из активов
Доля семей, владеющих активом, %								
2004*	86,3	69,1	12,5	8,3	11,5	7,8	92,5	97,9
2007**	87,0	68,6	13,8	8,1	13,6	7,2	92,0	97,7
2010**	86,7	67,3	14,4	7,7	13,3	7,0	91,3	97,4
2013***	86,3	65,2	13,2	7,2	11,7	7,3	91,0	97,9
2016****	85,2	63,7	13,8	6,2	13,0	6,5	90,8	99,4
Медианная стоимость актива в семьях, владеющих активом, тыс. долл. США, 2013 г.								
2010	16,3	182,2	128	69,7	84,4	16,1	165,6	200,6
2013	15,8	170	123,8	60	67,5	13	148,4	177,9
2016	17,3	185	145,7	70	79,9	13	158,9	189,9

* Данные за 2004 г. из таблицы 9 в: [Bucks et al. 2009, p. A29].

** Данные за 2007 и 2010 гг. из таблицы 9 в: [Bricker et al. 2012, pp. 43–50].

*** Данные за 2013 г. из таблицы 3 в: [Bricker et al. 2014, p. 16].

**** Данные за 2016 г. из таблицы 3 в: [Bricker et al. 2017, p. 18].

Среди нефинансовых активов наибольший стоимостной вес имеет основное жилье, на которое совместно с другой жилой недвижимостью приходится от 55 до 60% стоимости нефинансовых активов. Второй по весу нефинансовый актив – это капитал, вложенный в бизнес. Вещная и стоимостная структура нефинансовых активов характеризует американцев как нацию передвигающихся преимущественно на личных автомобилях домовладельцев с заметной среди них долей тех, кто инвестирует в бизнес.

Как показывают данные обследования «Динамика домохозяйств, доходов и занятости в Австралии»⁴ [Wilkins 2016] (таблица 2), практически все австралийские домохозяйства обладают хотя бы одним из активов; подавляющее большинство имеет более двух активов, и чаще всего это денежные средства на банковских счетах, транспортные средства и/или пенсионные накопления. Как и в США, доля домохозяйств, проживающих в собственном жилье, составляет около 70%. Структура владений основными активами в Австралии была достаточно устойчива на протяжении 2002–2014 гг., но есть и динамика. За 12 лет увеличилась доля владеющих жилой недвижимостью помимо основного жилья, хотя процент владельцев основного жилья несколько уменьшился; охват населения транспортными

⁴ Household, Income and Labour Dynamics in Australia (HILDA) – репрезентативное на национальном уровне лонгитюдное обследование австралийских домохозяйств HILDA с 2001 г. ежегодно проводится Мельбурнским институтом прикладных экономических и социальных исследований при Мельбурнском университете, финансируется Министерством социального обслуживания Правительства Австралии. Объем выборки – около 7500 домохозяйств, 13500 индивидов от 15 лет и старше. Сбор данных о богатстве домохозяйств осуществляется раз в четыре года с 2002 г.

средствами поступательно нарастал; заметно больше домохозяйств можно причислить к тем, кто имеет пенсионные накопления. Сильно сократилась среди австралийских домохозяйств доля владельцев ценных бумаг, и в 2014 г. их стало меньше трети: перелом произошел после 2006 г. (мировой финансовый кризис 2007–2009 гг.).

Таблица 2. Характеристики богатства домохозяйств Австралии, данные HILDA*

Годы	Активы								Все активы
	Основное жилье	Другая жилищная недвижимость	Пенсионные накопления	Ценные бумаги	Банковские счета	Капитал, вложенный в бизнес	Транспортные средства	Прочие активы	
Доля домохозяйств, владеющих активом, %									
2002	68,1	16,5	76,9	40,6	97,6	12,4	87,7	26,2	99,7
2006	67,5	20,5	80,5	37,7	97,7	12,8	90,0	23,9	99,8
2010	66,4	20,7	83,5	34,8	97,9	12,4	90,5	22,3	99,8
2014	64,8	21,0	84,0	30,7	98,0	10,4	91,8	22,5	99,7
Средняя стоимость каждого типа актива по совокупности домохозяйств, австрал. долл., 2014 г.									
2002	281,8	66,1	112,1	41,8	32,6	55,5	25,8	19,7	635,4
2006	377,5	161,4	148,2	56,4	36,1	60,3	28,5	25,3	893,6
2010	408,2	138,7	163,4	40,8	42,9	50,3	28,5	29,5	902,5
2014	392,2	138,7	186,0	44,2	51,1	39,8	27,1	36,9	916,0

* Источник: Фрагмент таблицы 5.2 из [Wilkins 2016, p. 59].

Самый ценный актив австралийских (как и американских) домохозяйств – это основное жилье; пенсионные накопления – следующий по стоимостной внушительности актив, но и самый неликвидный. Среди австралийских и американских домохозяйств приблизительно одинаковое количество владельцев ценных бумаг и вложенного в бизнес капитала, но относительная значимость этих видов активов у австралийских домохозяйств-владельцев значительно ниже, чем у американских. Хотя стоимость активов представлена в национальных валютах, соотнося средние стоимости других активов со средней стоимостью основного жилья, это становится вполне очевидным.

В качестве оснований дифференциации величины богатства в целом и его составляющих в практике анализа экономического неравенства принято рассматривать характеристики домохозяйства (демографические, социально-экономические, поселенческо-региональные) – размер и/или состав домохозяйства [Semyonov, Lewin-Epstein 2013; Wilkins 2016; Wachter, Yogo 2010], уровень дохода [Bricker et al. 2017; Ozawa, Kim, Joo 2006], регион проживания [Paiella 2007; Wilkins 2016], тип поселения [Bricker et al. 2017; Wilkins 2016]. Часто индикатором домохозяйства выступают характеристики того члена домохозяйства, который

вносит наибольший вклад в бюджет (его обозначают как главу домохозяйства): брачный статус [Semyonov, Lewin-Epstein 2011; Wachter, Yogo 2010], наличие и тип занятости [Semyonov, Lewin-Epstein 2013; Semyonov, Lewin-Epstein 2011], достигнутый уровень образования [Bricker et al. 2017; Wilkins 2016]. Возраст главы домохозяйства выступает индикатором этапа жизненного цикла домохозяйства, с которым связаны гипотеза жизненного цикла Франко Модильяни и теория постоянного дохода Милтона Фридмана, позволяющие объяснять динамику чистой стоимости богатства в течение жизни домохозяйства [Banks, Blundell, Smith 2003; Bricker et al. 2017; Milligan 2005; Nau, Tumin 2012; Semyonov, Lewin-Epstein 2011; Wilkins 2016; Wachter, Yogo 2010]. Раса и принадлежность к этнической группе всегда встречаются в качестве основания дифференциации богатства в исследованиях в странах с ярко выраженным расовым или этническим разнообразием [Bricker et al. 2017; Campbella, Kaufman 2006]. В принципе, набор детерминант дифференциации богатства всегда отражает гипотезы исследователей относительно особенностей механизма выстраивания системы неравенств в конкретной стране. Например, в этом плане в Китае важен политический статус (наличие и количество в домохозяйстве членов Коммунистической партии) [Meng 2007]; в Израиле значимы место рождения (родился в Израиле, арабских странах, других регионах мира, новый эмигрант из бывших республик СССР) и вклад в экономику страны (количество лет на израильском рынке труда) [Semyonov, Lewin-Epstein 2011].

Все исследования, на которые мы сослались, опираются на информацию о богатстве населения в стоимостном выражении. Но, как уже отмечалось, в большинстве стран такая информация отсутствует. Между тем в мировой практике есть яркий пример использования не стоимостной, а структурной оценки активов домохозяйства для формирования индикатора экономического положения домохозяйства, причем под богатством здесь понимаются исключительно нефинансовые активы. Это индекс богатства DHS (*Demographic and Health Surveys*⁵), разработанный в начале 2000-х гг. [Rutstein, Johnson 2004] для нужд Медико-демографического обследования. Оно проводится в развивающихся странах, где, как правило, трудно получить достоверную информацию о доходах населения (доходы сезонны и/или нерегулярны, респонденты знают величину доходов весьма приблизительно, склонны скрывать и пр.), а индикатор экономического положения важен и нужен для оценки различий в образовании, детской смертности, питании, фертильности, пользовании услугами здравоохранения и прочее. Эксперты посчитали, что лучше всего на эту роль подходит богатство, т. к. отражает более постоянный статус, чем доход или расходы, да и богатство более легко измерить (в большинстве случаев нужны ответы только от одного респондента), и в этом случае требуется гораздо меньше вопросов, чем при установлении потребительских расходов или дохода. Богатство в методологии Медико-демографического обследования трактуется широко: это не только собственность (жилье, земля, производственные активы), но и предметы длительного пользования, оснащение домохозяйств, обеспечивающее удовлетворение основных потребностей (система водоснабжения и канализации, наличие электричества) и другое, причем состав богатства мог дополняться для учета специфики изучаемой страны.

⁵ Проект MEASURE DHS+ оказывает помощь странам во всем мире в сфере сбора и анализа данных по демографии, здравоохранению, состоянию здоровья и питанию населения; финансируется Агентством США по международному развитию (U.S. Agency for International Development (USAID)), реализуется ORC Macro (Калвертон, штат Мэриленд).

Такая операционализация богатства – следствие не только бедности населения изучаемых стран, но и разумной оптимизации. Для получения данных требуется гораздо меньше средств и усилий от респондентов, интервьюеров, обработчиков информации, тем более что это не целевые, а вспомогательные сведения в Медико-демографическом обследовании.

Характер исходных данных о богатстве в Медико-демографическом обследовании (дискретные, номинальные) задает методику формирования обобщающей оценки экономического положения домохозяйства – индекса богатства HDS, который в итоге представляет собой сумму взвешенных оценок индикаторов благосостояния домохозяйства. Для начала вся совокупность индикаторов подвергается факторному анализу (метод главных компонент); факторные нагрузки индикаторов в первом из главных компонент используются в качестве весов. Для каждого домохозяйства значения индикаторов умножаются на факторные нагрузки и складываются. Затем вариационный ряд по индексу богатства «нарезается» на квинтили, принадлежность к которым выступает характеристикой экономического положения домохозяйства. Тщательное тестирование показало, что индекс богатства объясняет такое же или большее количество различий между домохозяйствами по набору медицинских показателей, чем показатели дохода или расходов. Индекс богатства HDS породил массу модификаций индексов, основанных на оценке активов (*asset-based index*), индексов, косвенно оценивающих богатство (*proxy wealth index*) [Traynor, Raykov 2013]. Методика расчета такого рода индексов богатства активно подвергается ревизии [Howe, Hargreaves, Huttly 2008; Howe, Hargreaves, Gabrysch, Huttly 2009], адаптируется под разнообразные задачи исследователей [Balén et al. 2010; Morakinyo, Adebowale, Oloruntoba 2015] и совершенствуется [Vandemoortele 2014; Townend et al. 2015]. Так, для осуществления международных сравнительных исследований на материалах разного рода медико-демографических обследований в развивающихся странах был сконструирован международный индекс богатства (*International Wealth Index – IWI*), базирующийся на универсальном наборе имущества и доступных коммунальных услугах [Smits, Steendijk 2015].

Опыт формирования индексов, опирающихся на владение материальными активами, в качестве оценки богатства на основе анализа состава и структуры нефинансового богатства взят на вооружение в нашем исследовании.

Методология

Объектом данного исследования выступает нефинансовое богатство домохозяйств, а предметом – структура российских домохозяйств по владению нефинансовыми активами. Нефинансовое богатство домохозяйства – это находящиеся в собственности членов домохозяйства материальные (нефинансовые) активы. Основанием считать объекты собственности активами (а не ресурсами) выступает возможность использовать их для конвертации в финансовые активы (продать), получения дополнительного дохода (сдать в аренду жилую недвижимость, использовать личный автомобиль как такси, грузовой автомобиль – для предоставления платных услуг) или использовать как залог для получения кредитов для рефинансирования.

Возможности и ограничения информационной базы

Информационной базой выступили материалы четырех волн проводимого Федеральной службой государственной статистики (Росстатом) Комплексного наблюдения условий жизни населения⁶ за 2011 г. (выборка из 9990 домохозяйств), 2014, 2016 и 2018 гг. (по 59994 домохозяйства). Результаты обследования репрезентируют частные домохозяйства и проживающее в них население в целом по России, по городским и сельским поселениям с различной численностью населения, по социально-демографическим и доходным группам населения, с 2014 г. – по субъектам Российской Федерации (в 2011 г. – по группам субъектов РФ, входящим в соответствующие федеральные округа).

Стремясь приблизиться к принятой в социально-экономических исследованиях номенклатуре нефинансового богатства домохозяйств, мы выделили из имеющихся в КОУЖ данных следующий набор активов: находящееся в собственности кого-то из членов домохозяйства основное и дополнительное жилье (дом/часть дома, квартира, комната(-ы) в коммунальной квартире), пригодное для проживания круглый год или сезонно; стационарный гараж; автомобили (легковой, грузовой, автобус, микроавтобус); земельные участки в собственности и/или распоряжении.

Хотя КОУЖ – одна из немногих доступных российских баз данных, позволяющая максимально полно описать нефинансовое богатство российских домохозяйств, работа с ней сопровождалась рядом ограничений. Во-первых, отсутствие стоимостных оценок активов позволяло анализировать лишь материально-вещественный состав нефинансового богатства. Во-вторых, от волны к волне не все вопросы или тематические блоки сохранялись неизменными, а значит, нарушалась сопоставимость результатов анализа. Например, в 2018 г. подробный в предыдущих волнах блок вопросов о размере и назначении земельных участков в распоряжении и собственности домохозяйств был заменен на один вопрос о наличии в распоряжении или собственности таких участков. В-третьих, обладание активами фиксировалось со слов респондентов без документального и физического подтверждения. На сегодняшний день это традиционный способ получения информации об элементах нефинансового богатства в практике обследований и в других странах, это свойство массового обследования, направленного на изучение богатства, однако в результате исследователи становятся заложниками представления респондента о собственности и его желания о ней рассказать. В-четвертых, как и в любом массовом опросе, верх и низ стратификации оказывались представленными не полностью.

Несмотря на перечисленные ограничения, КОУЖ как информационная база позволяет реализовать цель нашего исследования – выявить характеристики стратификации домохозяйств по нефинансовому богатству: высоту, профиль, имущественные характеристики экономических слоев, детерминанты попадания домохозяйств в относительно обеспеченные слои. Для начала была проведена работа по подготовке к анализу данных о нефинансовых активах и социально-демографических характеристиках домохозяйств.

⁶ Описание Комплексного наблюдения условий жизни населения, инструментарий и базы микроданных доступны на сайте Росстата (https://www.gks.ru/itog_inspect). Данные для расчетов, представленных в статье, скачаны 24 октября 2019 г.

Переменные по нефинансовым активам

Практически каждый нефинансовый актив в КОУЖ представлен несколькими показателями, которые отражают его количественные и качественные характеристики. Мы видели задачу в том, чтобы на их основе сформировать одну переменную, максимально полно вбирающую в себя черты актива, способные повлиять на его ликвидность. Хотя мы формировали переменные для всех волн КОУЖ, здесь мы их демонстрируем преимущественно на материалах КОУЖ-2018.

Основное жилье домохозяйства. Переменная «основное жилье» синтезирована из показателей наличие/отсутствие права собственности членов домохозяйства на занимаемое жилье, тип строения/степень изолированности и размер жилой площади жилища: (1) жилье не принадлежит членам домохозяйства на правах собственности (арендуемое жилье, используемое безвозмездно по разрешению собственников, комната/место в общежитии и прочее); (2) индивидуальный дом (часть дома) площадью 50 м² и меньше; (3) собственная квартира или комната(-ы) в коммунальной квартире площадью 35 м² и меньше; (4) собственный дом площадью больше 50 м² или собственная квартира площадью больше 35 м².

Дополнительное (второе) жилье домохозяйства. У 19,9% российских домохозяйств в 2018 г. в собственности находились и другие жилые объекты: 5,9% домохозяйств владели еще одной отдельной квартирой, 0,9% – одной или несколькими комнатами в коммунальной квартире; 3,4% – индивидуальным домом или частью дома; 11,4% – домом на садовом или дачном участке; у 0,2% домохозяйств в собственности были другие жилые помещения для постоянного или сезонного проживания. Предположив, что второе жилье, пригодное для круглогодичного проживания, будет иметь при прочих равных условиях более высокую ликвидность и стоимость, чем жилье сезонного проживания, мы сформировали две переменные – «дополнительная жилая недвижимость, пригодная только для сезонного проживания» (опции: (1) нет в наличии; (2) есть в наличии) и «дополнительная жилая недвижимость, пригодная для круглогодичного проживания», представленная в той же структуре, что и переменная «основное жилье».

Земля. Мы посчитали целесообразным разделять земельные участки не по назначению, а по размеру. Дифференцирующей размер величиной выбрали 0,06 га (6 соток) – традиционный размер дачных участков, выделяемых горожанам в советское время. Комбинируя названные критерии (наличие/отсутствие земельного участка, владение/распоряжение им и его размер), мы сформировали для первых трех волн КОУЖ переменную «земельные участки в распоряжении и собственности» следующим образом: у домохозяйства (1) нет в распоряжении земельных участков; (2) есть участки земли во временном или долгосрочном пользовании, в аренде, в пожизненном наследуемом владении, в общей площади земельных паев; (3) есть участки земли в собственности общей площадью 0,06 га и меньше; (4) есть участки в собственности общей площадью больше 0,06 га. Эта же переменная на данных КОУЖ-2018 выглядит значительно проще: у домохозяйства (1) нет в распоряжении земельных участков; (2) есть участки земли, включая земельные паи и доли земельных участков.

Автомобили. В КОУЖ помимо данных о видах и количестве автомобилей есть информация о годе выпуска авто. «Возраст» автомобиля – это значимая для

оценки стоимости актива характеристика: с увеличением «возраста» автомобиля падает его надежность в эксплуатации, увеличиваются расходы на его ремонт, запасные части и уменьшается стоимость при продаже. Со временем эксплуатирующийся автомобиль (коллекционные проходят по другой статье богатства) в экономическом смысле из актива превратится в пассив (даже если не планировалась продажа). «Возраст» транспортного средства учитывается в регламенте прохождения технического осмотра. В России до последнего времени проходить техосмотр каждые два года должны были автомобили «в возрасте» от трех до семи лет, раз в год – легковые авто старше семи лет, а автомобили младше трех лет были освобождены от техосмотра. В калькуляторах страховых компаний «возраст» автомобиля – обязательный показатель для расчета стоимости страховки; большинство страховщиков, принимая авто на страхование, придерживается максимальной отметки в 7–10 лет (7 лет для отечественных транспортных средств и 10 лет – для иномарок). Для авто в «возрасте» до максимальной отметки предусмотрены полноценные программы КАСКО, когда владелец может выбрать любые варианты страхования, включая не учитывающие износ авто при возмещении ущерба.

Исходя из вышеизложенной информации была сформирована переменная «автотранспортные средства», объединяющая показатели «количество автомобилей» в собственности и «возраст» автомобиля, если он в домохозяйстве один: (1) нет автомобиля в собственности; (2) есть один автомобиль старше 7 лет; (3) есть автомобиль в «возрасте» до 7 лет; (4) есть два автомобиля любого вида и «возраста».

Собственный стационарный гараж. Для размещения своего автотранспорта, по данным КОУЖ-2018, в 12,8% российских домохозяйств (или 26,6% среди имеющих в распоряжении автомобили) пользовались стационарным гаражом (в т. ч. индивидуальным боксом в многоместном гараже, местом в крытом парковочном комплексе). КОУЖ не содержит информации, находится ли этот гараж в личной собственности или арендуется, или является местом для размещения служебного автомобиля. Поэтому долю тех респондентов, которые на вопрос «Укажите, какие места стоянок Ваших автомобилей используются в Вашем домохозяйстве?» ответили «стационарный гараж», можно считать верхней границей собственников данного актива. Переменная «стационарный гараж» имеет две опции: (1) нет в наличии; (2) есть в наличии.

Методы анализа данных

Для структурирования домохозяйств на основе владения нефинансовым богатством будут задействованы в последовательности факторный анализ для «сжатия» пространства предварительно стандартизированных переменных, представляющих нефинансовые активы, а затем кластерный анализ для выделения групп домохозяйств, дифференцированных по составу и другим характеристикам активов, находящихся в собственности – так сказать, кластеры на факторах. Оценка детерминант, определяющих шансы попадания домохозяйств в относительно обеспеченные слои, производилась с помощью процедуры пошагового логистического анализа.

Нефинансовые активы российских домохозяйств (по данным КОУЖ)

Количественные и качественные характеристики нефинансовых активов российских домохозяйств как совокупного собственника показаны в *таблице 3*. Данные представлены в среднесрочной динамике.

Основное жилье, занимаемое домохозяйством, – самый распространенный вид собственности в распоряжении россиян. С 2011 г. в выборке КОУЖ сократилась доля домохозяйств, проживающих в несобственном жилье (с 13,1%), в небольшом доме площадью 50 м² и меньше (с 15,9%) либо занимающих большое жилье (дом площадью больше 50 м² или квартиру площадью больше 35 м²) (с 41,7%). Соответственно, выросла численность домохозяйств, проживающих в небольшой квартире (площадью 35 м² и меньше), – с 29,4 до 38,5%. Отчасти данная тенденция объясняется увеличением за последние годы строительства однокомнатных квартир и квартир-студий⁷.

Опираясь на данные КОУЖ, можно оптимистично оценить верхнюю границу доли собственников дополнительного (к основному (второму)) жилья среди российских домохозяйств в 20% (*таблица 3*), при том что есть домохозяйства, одновременно владеющие сезонным и всесезонным дополнительным жильем. Доли двух видов такого актива как дополнительное жилье в совокупном портфеле активов российских домохозяйств в 2011–2018 гг. были практически одинаковыми и в каждой из точек наблюдения составляли примерно по 10%. Отметим, что среди владельцев второго доступного для круглогодичного проживания жилья постепенно увеличивается доля тех, кто владеет относительно более просторным жильем: к 2018 г. таких домохозяйств в этой группе стало больше половины.

Данные КОУЖ за 2011–2016 гг. показывают, что среди домохозяйств, владеющих или пользующихся землей, преобладают собственники земли, причем участков площадью более 6 соток. За рассматриваемый период при относительно стабильной доле домохозяйств-собственников земельных участков разного размера число домохозяйств-арендаторов земли сократилось в 2 раза, что выразилось в уменьшении в целом доли домохозяйств, владеющих или распоряжающихся земельными активами, с 48,5% в 2011 г. до 45,8% в 2016 г. и 44,1% в 2018 г.

Из всех нефинансовых активов именно автомобиль с 2011 г. существенно увеличил свое присутствие в имущественном портфеле российских домохозяйств. Доля не имеющих автотранспорта сократилась с 61,6 до 52,2% к 2018 г., и автомобиль стал вторым по распространенности активом российских домохозяйств. Основной прирост пришелся на группу владельцев одного автомобиля старше 7 лет – с 19,1 до 26,9% – на фоне практически неизменной в этот период доли домохозяйств с новыми автомобилями. В России у автовладельцев отсутствует развитая практика утилизации физически (не говоря уже морально) устаревших автомобилей. Приобретая новый автомобиль на замену старому, бывшее

⁷ Российский статистический ежегодник – 2019 (2019) // Федеральная служба государственной статистики РФ // <https://www.gks.ru/folder/210/document/12994>, с. 442.

Таблица 3. Нефинансовые активы находящихся в распоряжении и/или собственности российских домохозяйств, КОУЖ, 2011–2018 гг.

Характеристики активов, разделяющие домохозяйства на категории	Ранг категории	Доля категории в совокупности домохозяйств, %			
		2011 г.	2014 г.	2016 г.	2018 г.
Основное или занимаемое на момент опроса жилье					
Жилье не принадлежит членам домохозяйства на правах собственности (арендуемое жилье, используемое безвозмездно по разрешению собственников, комната/место в общежитии и пр.)	0	13,1	13,0	12,1	10,9
Индивидуальный дом (часть дома) площадью 50 м ² и меньше	1	15,9	15,5	13,4	13,3
Собственная квартира или комната(-ы) в коммунальной квартире площадью 35 м ² и меньше	2	29,4	37,1	35,8	38,5
Собственный дом площадью больше 50 м ² или собственная квартира площадью больше 35 м ²	3	41,7	34,4	38,6	37,3
Дополнительная жилищная недвижимость, пригодная для круглогодичного проживания					
Нет такой недвижимости	0	90,8	91,7	90,7	89,9
Жилой дом или дом в садовом товариществе площадью 50 м ² и меньше	1	1,8	1,5	1,6	1,4
Отдельная квартира площадью до 40 м ² или комнаты в коммунальной квартире	2	3,2	2,6	2,8	3,1
Жилой дом, садовый дом площадью больше 50 м ² , отдельная квартира более 40 м ²	3	4,2	4,2	4,9	5,5
Дополнительная жилищная недвижимость, пригодная только для сезонного проживания					
Нет такой недвижимости	0	91,0	91,5	90,0	89,9
Жилье, пригодное для сезонного проживания	1	9,0	8,5	10,0	10,1
Земельные участки в распоряжении и владении					
Нет в распоряжении земельных участков	0	51,6	54,8	54,2	55,9
Участки земли во временном или долгосрочном пользовании, в аренде, в пожизненном наследуемом владении, в общей площади земельных паев	1	7,6	4,3	3,2	44,1
Участки в собственности площадью 0,06 га и меньше	2	16,2	16,0	16,4	
Участки в собственности площадью больше 0,06 га	3	24,5	24,9	26,3	
Автотранспортные средства					
Нет автомобилей в собственности	0	61,6	58,5	52,8	52,2
Есть один автомобиль старше 7 лет	1	19,1	19,9	24,7	26,9
Есть один автомобиль до 7 лет	2	15,3	17,2	17,8	16,3
Есть два и более автомобилей	3	4,0	4,3	4,7	4,7
Стационарный гараж					
Нет стационарного гаража	0	84,4	86,4	85,4	87,2
Есть стационарный гараж	1	15,6	13,6	14,6	12,8
<i>Среднее количество нефинансовых активов в домохозяйстве, шт.</i>		<i>2,07</i>	<i>2,04</i>	<i>2,14</i>	<i>2,14</i>

в эксплуатации авто владелец продает. Более того, из-за границы к нам ввозятся подержанные иномарки, которые тоже обращаются на внутреннем рынке подержанных автомобилей, хотя правительство и прилагает усилия к ужесточению таможенных правил⁸. В *таблице 3* показано, что российские домохозяйства как совокупный собственник по статье «автотранспорт» – собственник с большей вероятностью «возрастного» автомобиля, чем относительно нового. Это свидетельство высокой привлекательности данного актива и ликвидности автомобиля как такового в России в настоящее время, хотя распространение каршеринга, особенно в крупных городах, может в будущем замедлить прирост собственников автотранспортных средств.

Увеличение числа домохозяйств – владельцев автомобилей не сопровождалось ростом доли владельцев стационарных гаражей или гаражных боксов, скорее, можно наблюдать неровную тенденцию на уменьшение. Мы склонны считать, что в настоящее время идет процесс переосмысления владельцами стационарных гаражей значимости для них этого актива на фоне принятия законодательных актов о признании стационарных гаражей объектом собственности, подлежащим налогообложению.

Подводя итоги анализа портфеля нефинансовых активов российских домохозяйств как совокупного собственника за 2011–2018 гг., можно заключить, что основное жилье домохозяйства сохранило позицию первого по распространенности актива, автотранспортные средства заняли второе место, сместив с него земельные участки. По остальным доступным для рассмотрения в КОУЖ активам изменений в их обладании домохозяйствами не наблюдалось. В целом обеспеченность рассматриваемыми активами среднего российского домохозяйства выросла несущественно – с 2,07 в 2011 г. до 2,14 актива в 2018 г.

Контуры стратификации российских домохозяйств по нефинансовому богатству: высота, профиль, характеристики слоев

Опираясь на имеющиеся в базе количественные и качественные характеристики активов, мы дали дифференцированное описание каждого из них (*таблица 3*). Владение активом с определенными характеристиками или просто владение активом определяет структуру домохозяйств – собственников конкретного актива, которая достойна отдельного изучения, но в данном исследовании группировки домохозяйств по владению отдельными активами используются для построения обобщающей владение нефинансовыми активами типологии домохозяйств, которая призвана дать дифференцированный портрет совокупного собственника. Типологический подход в отечественной практике оценки дифференциации

⁸ Эта ситуация вызвала обеспокоенность правительства России и других стран Евразийского экономического союза, которая нашла отражение в Решении Совета Евразийской экономической комиссии от 20 декабря 2017 г. № 107 «Об отдельных вопросах, связанных с товарами для личного пользования», где обозначено существенное повышение таможенных пошлин в зависимости от года выпуска автомобиля, а также от рабочего объема двигателя (<https://www.tks.ru/docs/10055510>).

населения по благосостоянию далеко не нов. Он неоднократно и в разных модификациях был реализован исследователями условий жизни и благосостояния населения нашей страны в советский и постсоветский период [Бородкин 1990; Лисов, Шапошников 1988; Богомолова, Тапилина, Михеева 1992; Гордон, Терехин, Будилова 1998; Овчарова, Турунцев, Корчагина 1999]. И сейчас, когда речь идет уже о собственности российских домохозяйств, типологический подход не теряет своей актуальности, поскольку нефинансовое богатство многоэлементно, а со стоимостной оценкой по-прежнему существуют проблемы. Забегая вперед, отметим, что, как и авторы перечисленных выше работ, мы упорядочим полученные типы. В нашем случае переход от типологии к иерархизированной структуре (стратификации домохозяйств по нефинансовому богатству) осуществляется с помощью ранжирования выявленных типов по средней величине нефинансовых активов в собственности.

В данной статье представлены результаты выявления стратификации российских домохозяйств по нефинансовому богатству на материалах четвертой волны КОУЖ-2018. Эмпирическая типология домохозяйств строится, как уже упоминалось, в два этапа, включающие использование факторного и кластерного анализа. На первом этапе для выявления типичных сочетаний рассматриваемых активов и их характеристик в имущественном портфеле российских домохозяйств был применен, как и в практике формирования индексов богатства из семейства DNS [Rutstein, Johnson 2004, Traynor, Raykov 2013], метод главных компонент (переменные типобразующих характеристик, представленные в *таблице 3*, стандартизированы). В итоге шесть рассматриваемых активов сведены к трем главным компонентам, объясняющим 64% дисперсии в обладании активами (*таблица 4*).

Таблица 4. Параметры факторной модели нефинансового богатства российских домохозяйств, КОУЖ-2018

Стандартизированные переменные – элементы нефинансового богатства	Факторные нагрузки		
	Фактор 1 Мобильные активы	Фактор 2 Земельные активы	Фактор 3 Основное жилье
Основное/занимаемое жилье	0,218	–0,012	0,852
Земельный участок в распоряжении/собственности	0,212	0,784	–0,259
Автотранспортные средства	0,782	0,052	0,072
Стационарный гараж	0,735	0,082	0,044
Дополнительное жилье, пригодное для круглогодичного проживания	0,442	–0,005	–0,469
Дополнительное жилье, пригодное только для сезонного проживания	–0,052	0,856	0,204
Доля объясненной дисперсии, %	24,0	22,6	17,7
	64,3		

Примечание: метод главных компонент, вращение Varimax с нормализацией Кайзера.

Компонент, на который хоть и приходится наименьшая доля объясняемой дисперсии (17,7%), определяется только одним активом – «основное жилье». Подавляющее большинство российских домохозяйств являются собственниками этого актива, но его характеристики (степень изолированности и размер площади жилища) задают четкую дифференциацию собственников по качеству актива во владении. Второй компонент тесно связан с переменными «земельные участки в собственности или распоряжении» и «дополнительное жилье, пригодное для сезонного проживания», которое, как правило, располагается на дачных участках. Фактор дает 22,6% из объяснимой моделью общей дисперсии, его логично обозначить как «земельные активы». Фактор с максимальной долей объясненной дисперсии (24%) аккумулировал в себе дифференцирующую силу трех переменных: «автотранспортные средства», «собственный стационарный гараж» и «дополнительное жилье, пригодное для круглогодичного проживания». Первый компонент определяется переменными активов, которые мобильны во многих смыслах: автотранспортные средства – в прямом, а все вместе – в переносном, – именно их в первую очередь продают, когда срочно нужны денежные средства. Мы назвали первый фактор «мобильные активы». Основное жилье семьи и земля – это «хлеб» в богатстве российских домохозяйств, а первый компонент, скорее, олицетворяет «масло»: с хлебом будешь сыт и без масла, но с маслом – вкус богаче.

Итак, результаты факторного анализа показывают, что в 2018 г. структуру российских домохозяйств по нефинансовому богатству определяет конфигурация трех компонентов в портфеле: «основное жилье», «земельные активы» и «мобильные активы».

Перед кластеризацией домохозяйств на основе трех главных компонент нефинансового богатства априорно была выделена группа домохозяйств, не имеющих в собственности ни одного из шести рассматриваемых активов, ее доля в совокупности домохозяйств составила 4,6%. Кластеризация домохозяйств, владеющих активами, позволила выделить шесть имущественных групп⁹. Полученные кластеры, упорядоченные по среднему количеству активов домохозяйства, наряду с группой домохозяйств, не владеющих нефинансовыми активами, представляют собой слои населения, дифференцированные по владению собственностью и пронумерованные по нарастанию обеспеченности активами с первого слоя по седьмой (таблица 5). Профиль стратификации российских домохозяйств по нефинансовому богатству явно смещен в сторону низкой обеспеченности нефинансовыми активами: самыми наполненными являются слои домохозяйств, у которых в собственности не более двух активов, и вместе с домохозяйствами без нефинансовых активов они составляют 70% совокупности. Полнос относительного нефинансового богатства представляют четыре верхних слоя (30% совокупности), в домохозяйствах которых в собственности более трех активов.

Помимо среднего количества активов в собственности, имущественные слои различаются тем, какие активы составляют ядро их портфеля (к активам ядра относим те, которыми владеют больше половины домохозяйств слоя) и какова сте-

⁹ Было проведено несколько процедур кластерного анализа с последовательным увеличением числа кластеров. На каждом шаге фиксировались устойчивость кластеров, численность объектов в кластерах, а также изменение среднего расстояния от наблюдений до их кластерных центров. Расстояние до кластерных центров было минимальным при выделении шести кластеров.

пень обеспеченности этими активами домохозяйств слоя (доля домохозяйств слоя, которые ими владеют) (таблица 5). Ядро богатства второго слоя, включающего в себя 46,9% домохозяйств, составляет один актив – занимаемое домохозяйством собственное жилье: им обеспечены все домохозяйства слоя. Основа портфеля третьего слоя – основное жилье и земельные участки с обеспеченностью каждым из этих активов трех четвертей домохозяйств. Три актива – основное жилье, автомобиль и гараж для него – маркеры четвертого слоя, причем основным жильем и транспортными средствами здесь владеют все домохозяйства, а доля владельцев гаражей здесь самая высокая среди всех слоев (подавляющее большинство (80%) владельцев этого слоя содержат автомобили в собственных гаражах).

Таблица 5. Обеспеченность нефинансовыми активами по слоям стратификации по нефинансовому богатству домохозяйств, %, КОУЖ-2018

Нефинансовый актив	Имущественный слой							Все
	1	2	3	4	5	6	7	
Основное жилье	0	100	74,1	100	86,8	96,1	100	89,1
Земельный участок в распоряжении/собственности	0	14,2	76,2	34,5	74,4	98,9	99,6	44,1
Транспортные средства	0	34,9	34,8	100	86,7	57,7	99,3	47,8
Стационарный гараж/парковочное место	0			80,3	43,1	8,6	53	12,8
Дополнительное жилье, пригодное только для сезонного проживания	0		0,4		1,6	100	13,2	10,1
Дополнительное жилье, пригодное для круглогодичного проживания	0	1,1	9,7	17,6	64,8	5,9	8,7	10,1
Распределение домохозяйств по слоям	4,6	46,9	18,3	6,5	8,7	9,1	5,8	100
Среднее количество активов в домохозяйстве	0	1,5	1,95	3,32	3,57	3,67	3,74	2,14

Примечание: выделены ячейки со значениями более 50%, чтобы подчеркнуть активы, составляющие ядро портфеля слоя.

В трех остальных слоях ядро портфеля составляют четыре нефинансовых актива, но их сочетания различаются. В пятом слое это основное жилье, земля, автотранспортные средства, дополнительное жилье, пригодное для круглогодичного проживания. В этом слое нет ни одного актива, которым бы все домохозяйства слоя были обеспечены на 90–100%, но здесь самая высокая по сравнению с другими слоями (64,8%) доля домохозяйств, владеющих вторым всесезонным жильем. В двух самых высших слоях по трем из четырех активов ядра наблюдается почти полная обеспеченность. У шестого слоя основу портфеля составляют основное жилье, автомобиль, земельный участок в собственности и дополнительное жилье, пригодное только для сезонного проживания. Причем последний актив представляет собой визитную карточку: ни в одном другом слое нет стопроцентной обеспеченности домохозяйств дополнительным жильем, пригодным для сезонного проживания. «Столпы» нефинансового богатства высшего седьмого слоя – это основное жилье, земельный участок, автомобиль и собственный гараж.

Структурирование нефинансовых активов с выделением трех главных компонентов («основное жилье», «земля» и «мобильные активы»), которые стали кластерообразующими признаками, позволило построить на материалах КОУЖ-2018 эмпирическую типологию домохозяйств, в которой типы, упорядоченные по среднему количеству активов в собственности домохозяйств, представляют собой слои стратификации, имеющие портфель со специфичным ядром нефинансовых активов и степенью обеспеченности домохозяйств этими активами. Высота стратификации по нефинансовому богатству российских домохозяйств составила семь слоев. При том что слой домохозяйств, не владеющих ни одним из шести рассматриваемых активов, не превышает 5% совокупности, профиль стратификации имеет скошенность в сторону слоев, имеющих в собственности в среднем не более двух активов (70% совокупности домохозяйств), т. е. российские домохозяйства как совокупный собственник скорее беден, чем богат нефинансовыми активами.

Моделирование влияния детерминант, определяющих высокий ранг в стратификации по нефинансовому богатству

Стратификация по нефинансовому богатству российских домохозяйств на материалах КОУЖ-2018 зримо разделяется на два макрослоя: в нижний попадает 70% домохозяйств, владеющих менее чем двумя активами, а верхний аккумулирует 30% домохозяйств, в портфелях которых три и более актива, что в данной эмпирической реальности олицетворяет «высокий уровень нефинансового богатства». С помощью бинарной логистической регрессии оценим вероятность обладания домохозяйствами «высоким уровнем нефинансового богатства» в зависимости от поселенческих, демографических и экономических характеристик, который в нашей модели выступает в качестве зависимой переменной и принимает значение 1, если домохозяйство принадлежит 4–7-му слоям стратификации; 0, если домохозяйство относится к другим слоям. Независимые переменные, выступающие в качестве предикторов: совокупный доход домохозяйства; размер по численности населения населенного пункта (места жительства домохозяйства); пол и возраст основного получателя доходов (главы домохозяйства); демографический тип семьи. При построении регрессионной модели применялся метод пошагового включения детерминант (критерий проверки – функция правдоподобия). Это позволяет оценить влияние переменных не только по параметрам уравнения (экспоненте коэффициентов B), но и по приросту доли дисперсии зависимой переменной, которую можно объяснить добавлением каждой переменной в уравнение.

Анализ показал, что уравнение имеет приемлемый при использовании социально-экономических детерминант прогностический потенциал: верно классифицируются 65,7% объектов, доля дисперсии зависимой переменной, которую можно объяснить с помощью уравнения (R^2), равна 19,8% (таблица 6). Все перечисленные независимые переменные при пошаговом включении вошли в уравнение.

На первом шаге с максимальной объяснительной силой в уравнение включена переменная «демографический тип семьи» ($\Delta R^2 = 13,37\%$). Наименьшие шансы оказаться в верхних слоях стратификации имеют домохозяйства одиночек, ниже шансы только у домохозяйств одного взрослого с детьми, максимальные шансы –

Таблица 6. Параметры уравнения регрессионной модели для события «принадлежность домохозяйства к верхним слоям стратификации по нефинансовому богатству», КОУЖ-2018

Независимые переменные	В-коэф-фициент	Exp(B)	ΔR^2
Демографический тип семьи			13,37
домохозяйства из одного лица*			
домохозяйство из матери (отца) с ребенком (детьми) без других взрослых	-0,463	0,629	
домохозяйство из матери (отца) с ребенком (детьми) с другими взрослыми	0,221	1,247	
домохозяйство из одной супружеской пары без ребенка и без других взрослых	0,960	2,612	
домохозяйство из одной супружеской пары без ребенка и с другими взрослыми	0,928	2,531	
домохозяйство из одной супружеской пары с ребенком (детьми) и без других взрослых	0,769	2,157	
домохозяйство из одной супружеской пары с ребенком (детьми) и с другими взрослыми	1,015	2,760	
домохозяйство из двух и более супружеских пар (с детьми или без детей)	1,358	3,890	
прочие домохозяйства	0,142	1,153	
Совокупный доход домохозяйства, в месяц			3,37
до 10000 руб.*			
10100–15000 руб.	0,324	1,382	
15100–20000 руб.	0,651	1,917	
20100–25000 руб.	0,866	2,378	
25100–30000 руб.	1,086	2,961	
30100–40000 руб.	1,329	3,777	
40100–50000 руб.	1,536	4,648	
50100–75000 руб.	1,711	5,534	
свыше 75100 руб.	2,273	9,712	
Возраст основного получателя доходов			2,46
до 30 лет*			
31–40 лет	0,577	1,780	
41–50 лет	1,002	2,724	
51–60 лет	1,135	3,110	
61–70 лет	1,141	3,130	
71 год и более	0,683	1,979	
Размер населенного пункта по численности населения			0,60
до 1 тыс. чел.*			
1–50 тыс. чел.	-0,027	0,973	
50–100 тыс. чел.	-0,229	0,795	
100–500 тыс. чел.	-0,496	0,609	
500–1000 тыс. чел.	-0,388	0,678	
1 млн и более	-0,409	0,665	
Пол основного получателя доходов			0,05
мужской	0,113	1,119	
женский*			
Константа	-3,422	0,033	
Характеристики модели	R ² (Нэйджелкерка) = 19,8%; N = 59994; доля верно классифицированных объектов – 65,7%		

* Категории, объявленные контрастными (референтными).

у домохозяйств, ядро которых образовано супружеской парой (по сравнению с первыми их шансы выше почти в 2,5–3 раза) либо несколькими парами. Вторым по значимости предиктором оказалась переменная «совокупный доход домохозяйства», но ее самостоятельное влияние существенно меньше ($\Delta R^2 = 3,37\%$). Продвижение вверх по доходной лестнице последовательно увеличивает шансы достичь высокого уровня нефинансового богатства: у самых высокодоходных домохозяйств они почти в 10 раз выше по сравнению с теми, кто оказался в группе с самыми низкими доходами. На третьем шаге в уравнение включается переменная «возраст основного получателя доходов (главы домохозяйства)», что дает прирост доли объясненной дисперсии зависимой переменной на 2,46%. Значения *exp(B)* говорят о том, что с наименьшей вероятностью попадают на верх стратификации домохозяйства самых молодых россиян (моложе 30 лет), однако наблюдается \cap -образная разница шансов разных возрастных групп оказаться высоко обеспеченным нефинансовыми активами: максимальные у домохозяйств с главой в возрасте 51–70 лет, несколько ниже у тех, в которых основной получатель дохода находится в возрасте 41–50 лет, еще ниже, если главе домохозяйства 31–40 лет или более 71 года.

«Размер населенного пункта по численности населения» в рассматриваемом наборе дает небольшой прирост объясненной моделью дисперсии ($\Delta R^2 = 0,6$). Проживание в небольших сельских населенных пунктах в большей мере способствует накоплению нефинансовых активов, чем в городах, особенно крупных. Заключительная переменная «пол основного получателя доходов» обладает минимальной дополнительной дифференцирующей силой, но коэффициенты показывают: домохозяйства с мужчиной во главе имеют большие шансы оказаться наверху стратификации по нефинансовому богатству.

В анализируемом наборе детерминант самой значимой оказалась переменная, отражающая наличие супружеского ядра в домохозяйстве, что выступает необходимым условием *сохранения* совместно накопленного нефинансового богатства. Текущее материальное положение (доход), другие демографические и поселенческие характеристики домохозяйства, которые отражают условия *формирования* домохозяйством нефинансового богатства, оказывают меньшее влияние на объем собственности.

Заключение

Стратификация по нефинансовому богатству – это один из аспектов экономической стратификации. Сам термин не имеет широкого общенаучного хождения за рубежом, т. к. в тех странах, где есть информационные базы по богатству населения, феномен богатства оценивается обычно показателем чистой стоимости (*Net Worth*), который рассчитывается как сумма стоимости всех активов домохозяйства минус долги. Как правило, используется понятие «неравенство по богатству» (*Wealth Inequality*). Опираясь на непрерывным стоимостным показателем, принято оценивать различные коэффициенты неравенства по богатству; осуществив квантификацию показателя, переходят к таким экономическим категориям, как квинтили, децили или центили по богатству, иерархизированные по умолчанию.

Исследования неравенства по богатству в России носят более сложный характер. Надежной информации о финансовых активах домохозяйств в открытых

для аналитического использования базах данных нет. О нефинансовых активах как элементах благосостояния населения, составляющих потенциальную базу для налогообложения, информация есть, но в показателях наличия/отсутствия и ограниченного круга характеристик, описывающих разные свойства актива, а не его стоимость. Однако это не препятствует проведению исследования неравенства по богатству через выявление стратификации по нефинансовому богатству с опорой не на стоимостные, а структурные оценки активов. Проводя данное исследование, мы, помимо заявленной цели всестороннего изучения нефинансового богатства российских домохозяйств, стремились выяснить, позволит ли структурный подход к формированию стратификации домохозяйств обнаружить те же образцы неравенства или формирования богатства, которые были установлены в зарубежных исследованиях богатства населения на основе показателя «чистая стоимость».

Основные результаты, полученные на материалах КОУЖ за 2011–2018 гг.:

1. Набор из шести активов, который рассмотрен в данном исследовании, в основном соответствует общепринятой в практике изучения богатства номенклатуре видов нефинансовых активов. Из объектов собственности абсолютный лидер по распространенности в российских домохозяйствах – основное жилье (87–89%), затем – земельные участки (48–44%) и автотранспортные средства (38–48%), которые существенно увеличились в распространенности за анализируемый период. Прирост автотранспортных средств в портфеле российских домохозяйств – естественный и необратимый процесс, сопряженный с развитием экономики страны и стремлением людей к свободе передвижения. В развитых странах, примером которых выступают США и Австралия, собственный автотранспорт – самый распространенный нефинансовый актив домохозяйств, за ним следует основное жилье. Принимая во внимание такую распространенность автомобиля, классик исследований богатства Эдвард Волфф даже не включает транспортные средства в состав ликвидного богатства наряду с пенсионными счетами [Wolff 2016, p. 26], но в России до тотальной распространенности и вытекающей из этого неликвидности автомобилей еще далеко.

2. Обычно богатство домохозяйства позиционируется как запас, в отличие от дохода, который олицетворяет поток. При том что слой домохозяйств, не владеющих ни одним из шести рассматриваемых активов, в анализируемый период составлял 5–7% совокупности, что ненамного больше, чем в развитых странах, среднее российское домохозяйство владеет только двумя активами из рассматриваемых, а если учесть, что один из этих активов – жилье, занимаемое домохозяйством, то в случае непредвиденных экономических шоков в виде потери или падения дохода у российских домохозяйств немного шансов для маневра.

3. Структуру нефинансовых активов российских домохозяйств определяют три главных компонента: «основное жилье», «земельные активы» и «мобильные активы» (автотранспортные средства, гараж, дополнительное жилье), сочетание которых определяет состав портфеля активов домохозяйства.

4. Анализ показал, что полученные кластеры, упорядоченные по среднему количеству активов в собственности домохозяйств, имеют портфель со специфичным ядром нефинансовых активов и различной степенью обеспеченности домохозяйств этими активами, а значит, могут рассматриваться в качестве слоев стратификации.

5. Высота стратификации по нефинансовому богатству российских домохозяйств на материалах КОУЖ-2018 составила семь слоев. Профиль стратификации

явно смещен в сторону низкой обеспеченности нефинансовыми активами: низ стратификационной пирамиды, охватывающий 70% совокупности, представлен слоями домохозяйств, у которых в собственности не более двух активов, включая домохозяйства без собственности. Верх пирамиды представлен четырьмя относительно богатыми слоями домохозяйств, в собственности которых более трех активов.

Таким образом, не более трети российских домохозяйств могут с той или иной степенью уверенности рассчитывать на свои нефинансовые активы как на подушку безопасности в случае экономических потрясений.

6. Анализ влияния социально-демографических детерминант на шансы иметь высокий по структурным показателям уровень нефинансового богатства выявил те же образцы, которые установлены многочисленными исследованиями богатства на основе показателя чистой стоимости активов: (1) высокий уровень богатства во многом определяется наличием и устойчивостью брачного статуса; разрыв брачных отношений или потеря партнера отрицательно влияет на шансы; одинокому человеку, как правило, сложно достигнуть высокого уровня богатства; (2) чем выше уровень текущего дохода, тем больше шансов достигнуть высокого уровня богатства; но влияние дохода не прямое, а опосредовано такими характеристиками, как брачный статус, этап жизненного цикла домохозяйства, определяемого возрастом основного получателя дохода; (3) влияние возраста главы домохозяйства на шансы оказаться наверху стратификации по богатству не линейное, а описывается \cap -образной кривой: меньше всего шансов у молодых до 30 лет и пожилых старше 71 года; с возрастом шансы растут, достигая максимума у когорты 51–70 лет, затем падают.

Полученные результаты подтверждают, что стратификация, опирающаяся на структурную, а не на стоимостную оценку нефинансового богатства, показывает себя как действенный инструмент изучения экономического неравенства в российском обществе, где, как и во всем мире, владеть собственностью/богатством – еще не значит быть богатым.

Литература

- Бауман З. (2015) Идет ли богатство немногих на пользу всем прочим? М.: Изд-во Института Гайдара.
- Богомолова Т.Ю., Тапилина В.С., Михеева А.Р. (1992) Социальная структура: неравенство в материальном благосостоянии. Новосибирск: Институт экономики и организации промышленного производства РАН.
- Богомолова Т.Ю., Черкашина Т.Ю. (2015) Регионально-поселенческие аспекты структуры нефинансового богатства российских домохозяйств // Регион: экономика и социология. № 1. С. 79–107.
- Богомолова Т.Ю., Черкашина Т.Ю. (1) (2018) Институционально-экономический контекст формирования нефинансового богатства российских домохозяйств: от приватизации к приобретению // Мир России. Т. 27. № 2. С. 62–89. DOI: 10.17323/1811-038X-2018-27-2-62-89
- Богомолова Т.Ю., Черкашина Т.Ю. (2) (2018) Структура российских домашних хозяйств по владению нефинансовыми активами // XIX Апрельская международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества. 10–13 апреля 2018 г. М.: ВШЭ.
- Бородкин Ф.М. (ред.) (1990) Благосостояние городского населения Сибири: Проблемы дифференциации (опыт социологического изучения). Новосибирск: Наука.

- Гордон Л., Терехин А., Будилова Е. (1998) Опыт многомерного описания материально-экономической дифференциации населения (по данным «Мониторинга экономических и социальных перемен») // Мониторинг общественного мнения. № 1. С. 43–54.
- Лисов В.А., Шапошников А.Н. (1988) Методика и результаты построения типологии семей по уровню материального благосостояния (на примере сельского населения) // Известия СО АН СССР. Серия «Экономика и прикладная социология». № 8. Вып. 2. С. 56–66.
- Овчарова Л., Турунцев Е., Корчагина И. (1999) Система индикаторов уровня бедности в переходный период в России // Российская программа экономических исследований ЕЕРС. Научный доклад № 98/4.
- Balen J., McManus D.P., Li Y. et al. (2010) Comparison of Two Approaches for Measuring Household Wealth via an Asset-based Index in Rural and Peri-urban Settings of Hunan Province, China // *Emerging Themes in Epidemiology*, vol. 7, no 7, pp. 1–17 // <https://ete-online.biomedcentral.com/articles/10.1186/1742-7622-7-7>
- Banks J., Blundell R., Smith J.P. (2003) Understanding Differences in Household Financial Wealth between the United States and Great Britain // *The Journal of Human Resources*, vol. 38, no 2, pp. 241–279.
- Bricker J., Dettling L., Henriques A., Hsu J.W., Jacobs L., Moore K.B., Pack S., Sabelhaus J., Thompson J., Windle R.A. (2017) Changes in U.S. Family Finances from 2013 to 2016: Evidence from the Survey of Consumer Finances // *Federal Reserve Bulletin*, vol. 103, no 3, pp. 1–42 // <https://www.federalreserve.gov/publications/2017-September-changes-in-us-family-finances-from-2013-to-2016.htm>
- Bricker J., Dettling L., Henriques A., Hsu J.W., Moore K.B., Sabelhaus J., Thompson J., Windle R.A. (2014) Changes in U.S. Family Finances from 2010 to 2013: Evidence from the Survey of Consumer Finances // *Federal Reserve Bulletin*, vol. 100, no 4, pp. 1–41. <https://www.federalreserve.gov/pubs/bulletin/2014/default.htm>
- Bricker J., Kennickell A.B., Moore K.B., Sabelhaus J. (2012) Changes in U.S. Family Finances from 2007 to 2010: Evidence from the Survey of Consumer Finances // *Federal Reserve Bulletin*, vol. 98, no 2, pp. 1–80.
- Bucks B.K., Kennickell A.B., Mach T.L., Moore K.B. (2009) Changes in U.S. Family Finances from 2004 to 2007: Evidence from the Survey of Consumer Finances // *Federal Reserve Bulletin*, vol. 95, no 1, pp. A1–A79 // <https://www.federalreserve.gov/pubs/bulletin/2009/default.htm>
- Campbella L.A., Kaufman R.L. (2006) Racial Differences in Household Wealth: Beyond Black and White // *Research in Social Stratification and Mobility*, vol. 24, no 2, pp. 131–152.
- Davies J., Lluberas R., Shorrocks A. (2019) Credit Suisse Global Wealth Report 2019, Zurich: Credit Suisse AG // <https://www.credit-suisse.com/about-us/en/reports-research/global-wealth-report.html>
- Howe L.D., Hargreaves J.R., Gabrysch S., Huttly S.R.A. (2009) Is the Wealth Index a Proxy for Consumption Expenditure? A Systematic Review // *Journal of Epidemiology and Community Health*, vol. 63, no 11, pp. 871–877.
- Howe L.D., Hargreaves J.R., Huttly S.R.A. (2008) Issues in the Construction of Wealth Indices for the Measurement of Socio-economic Position in Low-income Countries // *Emerging Themes in Epidemiology*, vol. 5, no 3 // <https://ete-online.biomedcentral.com/articles/10.1186/1742-7622-5-3>
- In It Together: Why Less Inequality Benefits All (2015) // OECD, Paris: OECD Publishing // <http://s3.documentcloud.org/documents/2084674/in-it-together.pdf>
- Jianakopulos N.A., Menchik P.L. (1997) Wealth Mobility // *The Review of Economics and Statistics* (MIT Press), vol. 79, no 1, pp. 18–31.
- Keister L., Moller S. (2000) Wealth Inequality in the United States // *Annual Review of Sociology*, vol. 26, no 1, pp. 63–81.
- Killewald A., Pfeffer F.T., Schachner J.N. (2017) Wealth Inequality and Accumulation // *Annual Review of Sociology*, vol. 43, no 1, pp. 379–404.
- Meng X. (2007) Wealth Accumulation and Distribution in Urban China // *Economic Development and Cultural Change*, vol. 55, no 4, pp. 761–791.
- Milligan K. (2005) Life-Cycle Asset Accumulation and Allocation in Canada // *The Canadian Journal of Economics*, vol. 38, no 3, pp. 1057–1106.

- Morakinyo O.M., Adebowale S.A., Oloruntoba E.O. (2015) Wealth Status and Sex Differential of Household Head: Implication for Source of Drinking Water in Nigeria // *Archives of Public Health*, vol. 73, no 1, article number 58 // <https://link.springer.com/article/10.1186/s13690-015-0105-9>
- Nau M., Tumin D. (2012) Wealth Transfer Receipt and Later Life Wealth // *Research in Social Stratification and Mobility*, vol. 30, no 3, pp. 233–245.
- Ozawa M.N., Kim J., Joo M. (2006) Income Class and the Accumulation of Net Worth in the United States // *Social Work Research*, vol. 30, no 4, pp. 211–222.
- Paiella M. (2007) Does Wealth Affect Consumption? Evidence for Italy // *Journal of Macroeconomics*, vol. 29, no 1, pp. 189–205.
- Rutstein S.O., Johnson K. (2004) The DHS Wealth Index // *DHS Comparative Reports*, no 6, Calverton, Maryland: ORC Macro // <https://www.dhsprogram.com/pubs/pdf/CR6/CR6.pdf>
- Semyonov M., Lewin-Epstein N. (2011) Wealth Inequality: Ethnic Disparities in Israeli Society // *Social Forces*, vol. 89, no 3, pp. 935–959.
- Semyonov M., Lewin-Epstein N. (2013) Ways to Richness: Determination of Household Wealth in 16 Countries // *European Sociological Review*, vol. 29, no 6, pp. 1134–1148.
- Smits J., Steendijk R. (2015) The International Wealth Index (IWI) // *Social Indicators Research*, vol. 122, no 1, pp. 65–85.
- Townend J., Minelli C., Harrabi I., Obaseki D., El-Rhazi K., Patel J., Burney P. (2015) Development of an International Scale of Socio-economic Position Based on Household Assets // *Emerging Themes in Epidemiology*, vol. 12, no 13 // <https://ete-online.biomedcentral.com/articles/10.1186/s12982-015-0035-6>
- Traynor A., Raykov T. (2013) Household Possessions Indices as Wealth Measures: A Validity Evaluation // *Comparative Education Review*, vol. 57, no 4, pp. 662–688.
- Vandemoortele M. (2014) Measuring Household Wealth with Latent Trait Modelling: An Application to Malawian DHS Data // *Social Indicators Research*, vol. 118, no 2, pp. 877–891.
- Wachter J.A., Yogo M. (2010) Why Do Household Portfolio Shares Rise in Wealth? // *The Review of Financial Studies*, vol. 23, no 11, pp. 3929–3965.
- Wilkins R. (ed.) (2016) Household, Income and Labour Dynamics in Australia Survey: Selected Findings from Waves 1 to 14, Melbourne: University of Melbourne // https://melbourneinstitute.unimelb.edu.au/_data/assets/pdf_file/0007/2155507/hilda-statreport-2016.pdf
- Wolff E.N. (1990) Methodological Issues in the Estimation of the Size Distribution of Household Wealth // *Journal of Econometrics*, vol. 43, no 1–2, pp. 179–195.
- Wolff E.N. (2016) Household Wealth Trends in the United States, 1962 to 2013: What Happened over the Great Recession? // *The Russell Sage Foundation Journal of the Social Sciences*, vol. 2, no 6, pp. 24–43.

The Stratification of Russian Households by Non-financial Wealth: Volume, Structure and Correlates

T. BOGOMOLOVA*, T. CHERKASHINA**

***Tatyana Bogomolova** – PhD in Sociology, Head, Department of Social Problems, Institute of Economics and Industrial Engineering, SB RAS; Dean of the Faculty of Economics, Novosibirsk State University. Address: 17 Academician Lavrent'ev Av., Novosibirsk, 630090, Russian Federation. E-mail: bogtan@rambler.ru

****Tatyana Cherkashina** – PhD in Sociology, Leading Researcher, Institute of Economics and Industrial Engineering, SB RAS; Head, Department “General Sociology”, Novosibirsk State University. Address: 17 Academician Lavrent’ev Av., Novosibirsk, 630090, Russian Federation. E-mail: touch@nsu.ru

Citation: Bogomolova T., Cherkashina T. (2020) The Stratification of Russian Households by Non-financial Wealth: Volume, Structure and Correlates. *Mir Rossii*, vol. 29, no 4, pp. 6–33 (in Russian). DOI: 10.17323/1811-038X-2020-29-4-6-33

Abstract

Wealth, along with income and expenses, is a measure of individual or household economic status. The understanding of social stratification would be incomplete without studying wealth inequality. While developed countries collect data that allow the estimation of the extent of wealth inequality in the population, in Russia such data are hard to come by. It is possible to use open survey data on various possessions among Russian households to at least uncover the structural properties of wealth distribution. Current research focuses on non-financial assets, i.e. the tangible assets of Russian households. Empirically the study draws on the data of the Comprehensive Living Standards Survey in Russia (Rosstat). We use this data to analyze the volume, the structure and the correlates of non-financial wealth among Russian households. Using factor and cluster analyses we identify seven strata. The resulting distribution of households is heavily biased towards a generally low accumulation of non-financial assets: the largest (47%) is the stratum, in which the only featured property is housing (of which only a third additionally feature a car); the next biggest stratum (19%) is characteristically rural by supplementing housing (and a car) with a land plot. Together with the households that do not feature any possessions, these two strata account for 70% of the entire population. The remaining four strata feature 3 or more non-financial assets and have distinct asset portfolios. The socio-demographic profile associated with the wealthier strata conforms to the patterns documented in other countries: it comprises mostly of stable nuclear families with a relatively high level of income, with spouses averaging in the 50-70 age group. In general, the more significant correlates are the conditions for maintaining accumulated property than the conditions for its formation.

Key words: household wealth, non-financial wealth, non-financial assets, economic stratification, property, household asset portfolio

References

- Balen J., McManus D.P., Li Y. et al. (2010) Comparison of Two Approaches for Measuring Household Wealth via an Asset-based Index in Rural and Peri-urban Settings of Hunan Province, China. *Emerging Themes in Epidemiology*, vol. 7, no 7, pp. 1–17. Available at: <https://ete-online.biomedcentral.com/articles/10.1186/1742-7622-7-7>, accessed 22.06.2020.
- Banks J., Blundell R., Smith J.P. (2003) Understanding Differences in Household Financial Wealth between the United States and Great Britain. *The Journal of Human Resources*, vol. 38, no 2, pp. 241–279.

- Bauman Z. (2015) *Idet li bogatstvo nemnogikh na pol'zu vsem prochim?* [Does the Richness of the Few Benefit Us All?], Moscow: The Gaidar Institute publishing house.
- Bogomolova T., Cherkashina T. (2015) Regional'no-poselencheskije aspekty struktury nefinansovogo bogatstva rossijskikh domohozyajstv [Regional and Settlement Aspects in the Structure of Nonfinancial Wealth of Russian Households]. *Region: Economics and Sociology*, no 1, pp. 79–107.
- Bogomolova T., Cherkashina T. (1) (2018) Institucional'no-ekonomicheskij kontekst formirovaniya nefinansovogo bogatstva rossijskikh domohozyajstv: ot privatizatsii k priobreteniyu [The Institutional and Economic Context of the Formation of Non-financial Wealth in Russian Households: From Privatization to Acquisition]. *Mir Rossii*, no 2, pp. 62–89. DOI: 10.17323/1811-038X-2018-27-2-62-89
- Bogomolova T., Cherkashina T. (2) (2018) Struktura rossijskikh domashnikh khozyajstv po vladeniyu nefinansovymi aktivami [Structure of Russian Households Hold Non-financial Assets]. *XLIX April International Academic Conference on Economic and Social Development*, Moscow: HSE.
- Bogomolova T., Tapilina V., Mikheeva A. (1992) *Sotsial'naya struktura: neravenstvo v material'nom blagosostoyanii* [Social Structure: Inequality in Material Well-being], Novosibirsk: Institute of Economics and Industrial Engineering of the Russian Academy of Sciences.
- Borodkin F. (ed.) (1990) *Blagosostoyanie gorodskogo naseleniya Sibiri: Problemy differentsiatsii (opyt sotsiologicheskogo izucheniya)* [The Wellbeing of Urban Population in Siberia: Differentiation Problems (a Sociological Study)], Novosibirsk: Nauka.
- Bricker J., Dettling L., Henriques A., Hsu J.W., Jacobs L., Moore K.B., Pack S., Sabelhaus J., Thompson J., Windle R.A. (2017) Changes in U.S. Family Finances from 2013 to 2016: Evidence from the Survey of Consumer Finances. *Federal Reserve Bulletin*, vol. 103, no 3, pp. 1–42. Available at: <https://www.federalreserve.gov/publications/2017-September-changes-in-us-family-finances-from-2013-to-2016.htm>, accessed 22.06.2020.
- Bricker J., Dettling L., Henriques A., Hsu J.W., Moore K.B., Sabelhaus J., Thompson J., Windle R.A. (2014) Changes in U.S. Family Finances from 2010 to 2013: Evidence from the Survey of Consumer Finances. *Federal Reserve Bulletin*, vol. 100, no 4, pp. 1–41. Available at: <https://www.federalreserve.gov/pubs/bulletin/2014/default.htm>, accessed 22.06.2020.
- Bricker J., Kennickell A.B., Moore K.B., Sabelhaus J. (2012) Changes in U.S. Family Finances from 2007 to 2010: Evidence from the Survey of Consumer Finances. *Federal Reserve Bulletin*, vol. 98, no 2, pp. 1–80.
- Bucks B. K., Kennickell A.B., Mach T.L., Moore K.B. (2009) Changes in U.S. Family Finances from 2004 to 2007: Evidence from the Survey of Consumer Finances. *Federal Reserve Bulletin*, vol. 95, no 1, pp. A1–A79. Available at: <https://www.federalreserve.gov/pubs/bulletin/2009/default.htm>, accessed 22.06.2020.
- Campbell L.A., Kaufman R.L. (2006) Racial Differences in Household Wealth: Beyond Black and White. *Research in Social Stratification and Mobility*, vol. 24, no 2, pp. 131–152.
- Davies J., Lluberas R., Shorrocks A. (2019) *Credit Suisse Global Wealth Report 2019*, Zurich: Credit Suisse AG. Available at: <https://www.credit-suisse.com/about-us/en/reports-research/global-wealth-report.html>, accessed 22.06.2020.
- Gordon L., Teryokhin A., Budilova E. (1998) Opyt mnogomernogo opisaniya material'no-ekonomicheskoy differentsiatsii naseleniya (po dannym «Monitoringa ekonomicheskikh i sotsial'nykh peremen») [An Exercise in Multidimensional Description of Material and Economic Differentiation of the Population (According to the “Monitoring of Economic and Social Changes”)]. *Monitoring of Public Opinion*, no 1, pp. 43–54.
- Howe L.D., Hargreaves J.R., Gabrysch S., Huttly S.R.A. (2009) Is the Wealth Index a Proxy for Consumption Expenditure? A Systematic Review. *Journal of Epidemiology and Community Health*, vol. 63, no 11, pp. 871–877.
- Howe L.D., Hargreaves J.R., Huttly S.R.A. (2008) Issues in the Construction of Wealth Indices for the Measurement of Socio-economic Position in Low-income Countries. *Emerging Themes in Epidemiology*, vol. 5, no 3. Available at: <https://ete-online.biomedcentral.com/articles/10.1186/1742-7622-5-3>, accessed 22.06.2020.
- In It Together: Why Less Inequality Benefits All (2015). *OECD*, Paris: OECD Publishing. Available at: <http://s3.documentcloud.org/documents/2084674/in-it-together.pdf>, accessed 22.06.2020.

- Jianakopulos N.A., Menchik P.L. (1997) Wealth Mobility. *The Review of Economics and Statistics* (MIT Press), vol. 79, no 1, pp. 18–31.
- Keister L., Moller S. (2000) Wealth Inequality in the United States. *Annual Review of Sociology*, vol. 26, no 1, pp. 63–81.
- Killewald A., Pfeffer F.T., Schachner J.N. (2017) Wealth Inequality and Accumulation. *Annual Review of Sociology*, vol. 43, no 1, pp. 379–404.
- Lisov V., Shaposhnikov A. (1988) Metodika i rezul'taty postroeniya tipologii semej po urovnyu material'nogo blagosostoyaniya (na primere sel'skogo naseleniya) [The Methodology and Results of Constructing a Typology of Families According to the Level of Material Well-being (in Application to the Rural Population)]. *Izvestiya SO AN SSSR: Seriya «Ekonomika i prikladnaya sotsiologiya»*, no 8, issue 2, pp. 56–66.
- Meng X. (2007) Wealth Accumulation and Distribution in Urban China. *Economic Development and Cultural Change*, vol. 55, no 4, pp. 761–791.
- Milligan K. (2005) Life-Cycle Asset Accumulation and Allocation in Canada. *The Canadian Journal of Economics*, vol. 38, no 3, pp. 1057–1106.
- Morakinyo O.M., Adebowale S.A., Oloruntoba E.O. (2015) Wealth Status and Sex Differential of Household Head: Implication for Source of Drinking Water in Nigeria. *Archives of Public Health*, vol. 73, no 1, article number 58. Available at: <https://link.springer.com/article/10.1186/s13690-015-0105-9>, accessed 22.06.2020.
- Nau M., Tumin D. (2012) Wealth Transfer Receipt and Later Life Wealth. *Research in Social Stratification and Mobility*, vol. 30, no 3, pp. 233–245.
- Ovcharova L., Turuntsev E., Korchagina I. (1999) Sistema indikatorov urovnya bednosti v perekhodnyj period v Rossii [Indicators of Poverty in Transitional Russia]. *EERC Working Paper Series. № 98/4*, Moscow.
- Ozawa M.N., Kim J., Joo M. (2006) Income Class and the Accumulation of Net Worth in the United States. *Social Work Research*, vol. 30, no 4, pp. 211–222.
- Paiella M. (2007) Does Wealth Affect Consumption? Evidence for Italy. *Journal of Macroeconomics*, vol. 29, no 1, pp. 189–205.
- Rutstein S.O., Johnson K. (2004) The DHS Wealth Index. *DHS Comparative Reports*, no 6, Calverton, Maryland: ORC Macro. Available at: <https://www.dhsprogram.com/pubs/pdf/CR6/CR6.pdf>, accessed 22.06.2020.
- Semyonov M., Lewin-Epstein N. (2011) Wealth Inequality: Ethnic Disparities in Israeli Society. *Social Forces*, vol. 89, no 3, pp. 935–959.
- Semyonov M., Lewin-Epstein N. (2013) Ways to Richness: Determination of Household Wealth in 16 Countries. *European Sociological Review*, vol. 29, no 6, pp. 1134–1148.
- Smits J., Steendijk R. (2015) The International Wealth Index (IWI). *Social Indicators Research*, vol. 122, no 1, pp. 65–85.
- Townend J., Minelli C., Harrabi I., Obaseki D., El-Rhazi K., Patel J., Burney P. (2015) Development of an International Scale of Socio-economic Position Based on Household Assets. *Emerging Themes in Epidemiology*, vol. 12, no 13. Available at: <https://ete-online.biomedcentral.com/articles/10.1186/s12982-015-0035-6>, accessed 22.06.2020.
- Traynor A., Raykov T. (2013) Household Possessions Indices as Wealth Measures: A Validity Evaluation. *Comparative Education Review*, vol. 57, no 4, pp. 662–688.
- Vandemoortele M. (2014) Measuring Household Wealth with Latent Trait Modelling: An Application to Malawian DHS Data. *Social Indicators Research*, vol. 118, no 2, pp. 877–891.
- Wachter J.A., Yogo M. (2010) Why Do Household Portfolio Shares Rise in Wealth? *The Review of Financial Studies*, vol. 23, no 11, pp. 3929–3965.
- Wilkins R. (ed.) (2016) *Household, Income and Labour Dynamics in Australia Survey: Selected Findings from Waves 1 to 14*, Melbourne: University of Melbourne. Available at: https://melbourneinstitute.unimelb.edu.au/_data/assets/pdf_file/0007/2155507/hilda-statereport-2016.pdf, accessed 22.06.2020.
- Wolff E.N. (1990) Methodological Issues in the Estimation of the Size Distribution of Household Wealth. *Journal of Econometrics*, vol. 43, no 1–2, pp. 179–195.
- Wolff E.N. (2016) Household Wealth Trends in the United States, 1962 to 2013: What Happened over the Great Recession? *The Russell Sage Foundation Journal of the Social Sciences*, vol. 2, no 6, pp. 24–43.